

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

Т.В. Ермакова

Японские ученые — участники научно-издательских проектов Санкт-Петербургской буддологической школы

Статья посвящена выдающимся японским буддологам-источниковедам Нандзё Бунью (1848—1927) и Огихаре Унрай (1860—1937), участвовавшим в международных научно-издательских проектах на базе серии РАН «*Bibliotheca Buddhica*». Раскрывая типологические особенности становления буддологии в Японии периода революции Мэйдзи (1868—1911), автор показывает, что характер научного вклада обоих этих исследователей в развитие мирового буддологического источниковедения обуславливался их принадлежностью к японской социокультурной форме буддизма, образовательные традиции которой предполагали освоение китайского письменного наследия и местной комментаторской литературы.

Ключевые слова: буддизм, история буддологии, международные научно-издательские проекты Санкт-Петербургской буддологической школы, серия «*Bibliotheca Buddhica*», Нандзё Бунью, Огихара Унрай.

Имена выдающихся японских ученых-буддологов Нандзё Бунью (1848—1927) и Огихары Унрай (1860—1937) вошли в историю Санкт-Петербургской буддологической школы в связи с участием этих исследователей в международных научно-издательских проектах, осуществлявшихся на базе серии «*Bibliotheca Buddhica*». Проекты такого рода, объединявшие интернациональные научные силы в деле исследования и публикации буддийских письменных памятников, выступали во второй половине XIX — первой четверти XX вв. наиболее результативной формой сотрудничества в мировой буддологии. Базой их реализации служили академические научно-издательские серии, учрежденные в большинстве западноевропейских стран. В России подобная серия — «*Bibliotheca Buddhica*» была основана сравнительно поздно, только в 1897 г.¹ Но неуклонный рост авторитета молодой отечественной научной школы, созданной С.Ф. Ольденбургем (1863—1934) и Ф.И. Щербатским (1866—1942), способствовал стремительному продвижению российской серии на мировой уровень.

¹ Проект многотомной серии «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов» был разработан С.Ф. Ольденбургем и утвержден руководством РАН. Он предусматривал научное издание письменных памятников «северного буддизма» — традиции, исторически функционировавшей на санскрите, китайском, тибетском и монгольском языках. Поскольку серия была ориентирована на разработку международных научно-издательских проектов, введение и научный аппарат к публикуемым памятникам могли быть представлены на английском, французском или немецком языках. Ко времени закрытия серии (1937 г.) вышли в свет 30 томов (более 100 выпусков).

В международных проектах, реализованных в серии «*Bibliotheca Buddhica*», японские ученые принимали участие наряду с виднейшими представителями западноевропейской буддологии — такими, как С. Бендалл, С. Леви, Л. Фино, Х. Керн, А. Грюнведель, Л. де ла Валле Пуссен. Имя Б. Нандзё обозначилось в пяти выпусках серии, вышедших в свет в 1908–1912 гг. Совместно с голландским санскритологом Х. Керном (1833–1917)² Нандзё подготовил к изданию сводный санскритский текст одного из важнейших памятников буддийской религиозной мысли — «Лотосовой сутры» («*Sad-dharma-piṇḍarīka* [=sutra]» — «[Сутра] лотоса истинной Дхармы»)³.

Изучение санскритского текста памятника было начато Б. Нандзё по непальским рукописям в 1880-х гг. в Англии. «Лотосовая сутра», исторически функционировавшая в нескольких санскритских редакциях, была известна в буддийской культуре стран Азиатско-Тихоокеанского региона также и в переводах на китайский, тибетский и японский языки и представляла собой фундаментальный источник для изучения истории буддийской религиозной мысли махаянского направления.

Но актуальность издания ее санскритского оригинала этим не исчерпывалась. С конца 1880-х гг. к С.Ф. Ольденбургу в Азиатский музей РАН начали поступать обнаруженные в Восточном Туркестане буддийские рукописи, в числе которых имелись манускрипты, содержащие санскритские фрагменты этого памятника. В 1900-х гг. подобными находками уже располагали и зарубежные научные центры и Азиатский музей. В 1910 г. отечественная наука обогатилась так называемой Кашгарской рукописью⁴, содержащей большую часть «центрально-азиатской» редакции санскритского текста. Издание сводного санскритского текста «Лотосовой сутры» открывало перспективу развертывания сравнительных

² Хендрик (Гендрик) Керн в 1884 г. издал перевод «Лотосовой сутры» с санскрита на английский язык в Оксфорде, в серии «Священные книги Востока», вышедшей под редакцией Ф. Макса Мюллера. Перевод был выполнен по рукописям, присланным в Европу британским консулом в Непале Б.Х. Ходжсоном (1800–1894).

³ «Лотосовая сутра» подверглась письменной фиксации на санскрите предположительно в I в. н.э. Какие-либо достоверные сведения о месте и времени ее составления отсутствуют. Конвенциональные научные наименования ее санскритских редакций указывают на территории обнаружения рукописей. На Дальнем Востоке китайские переводы «Лотосовой сутры» породили объемную комментаторскую традицию и стимулировали развитие буддийской философской мысли в Китае и Японии. Подробнее см.: Игнатович, 1998. Об истории изучения памятника см.: Серебряный, 1998.

⁴ Появление этой рукописи в Азиатском музее обусловлено взаимодействием российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского и британского дипломата Дж. Макартни, который и выступил дарителем этого раритета. Полный текст Кашгарской рукописи не сохранился; отдельные ее части хранятся в Англии, Германии, Японии и США. Манускрипт, доставленный в Азиатский музей, именуется в отечественной научной литературе двояко — «Кашгарской рукописью Петровского», или «Рукописью Макартнея».

исследований, способных пролить свет на процесс распространения буддизма за пределы Индии в начале н.э. С.Ф. Ольденбург надеялся, что и в дальнейшем научно-издательской базой таких исследований послужит именно «*Bibliotheca Buddhica*»⁵.

У. Огихара стал в 1910-х гг. участником другого столь же значительного международного научного предприятия — проекта, направленного на издание, перевод и исследование трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддийской канонической философии»), фундаментального письменного памятника, суммирующего и концептуально разъясняющего специальную терминологию санскритской Трипитаки — канона школы Сарвастивада (другое название — Вайбхашика).

В то время трактат Васубандху был известен только в двух китайских версиях — Парамартхи (VI в.) и Сюань-цзана (VII в.), тибетском переводе и неполной уйгурской версии, обнаруженной в 1910 г. А. Стейном в Центральной Азии. Санскритский оригинал памятника до 1935 г. считался утраченным⁶. Но имелся весьма обширный санскритский комментарий — «Спхутартха Абхидхармакоша-вьякхья» (SAKV), составленный в IX в. Яшомитрой, представителем школы Саутрантика. Задуманный в 1911 г. Ф.И. Щербатским международный научно-издательский проект предполагал издание всех этих источников, выполнение их переводов на европейские языки, включая русский, и обзорное историко-философское исследование.

Описание научно-издательского проекта по «Абхидхармакоше» было опубликовано в 1917 г. (ВВ, XX, 1917, с. IV–V). Предполагалось издать тибетский перевод базового текста трактата — стихотворных афоризмов (*карик*) «*Abhidharmakośa-kārikāḥ*» и автокомментария (в жанре *бхашья* — коллоквиум) «*Abhidharmakośa-abhāṣya*» (издатель — Ф.И. Щербатской); оба китайских перевода — Сюань-цзана и Парамартхи (издатель — У. Огихара); уйгурскую версию (издатель — Д. Росс⁷); санскритский комментарий Яшомитры (изда-

⁵ Этим надеждам не суждено было воплотиться в силу исторических обстоятельств. Факсимильное издание большинства частей и фрагментов Кашгарской рукописи, включая «рукопись Макартнея», было выпущено в 1976 г. в Индии, в серии «Шата-питака» (Нью Дели), а годом позже переиздано в Токио. В настоящее время крупнейшим отечественным исследователем санскритских рукописей «Лотосовой сутры» является М.И. Воробьева-Десятовская. Полный комментированный перевод этого произведения с китайского языка был выполнен А.Н. Игнатовичем (Игнатович, 1998).

⁶ Санскритский оригинал текста был обнаружен индийским ученым Рахулой Санкритьяной в 1935 г. в древлехранилище тибетского буддийского монастыря Нгор.

⁷ Росс Денисон (1871–1940) — британский ученый-тюрколог и арабист; владевший также и тибетским, китайским, японским, персидским и русским языками; сотрудник отдела восточных рукописей Британского музея, с 1916 по 1937 гг. — директор Школы ориенталистики в Лондоне; в 1910 г., пребывая на посту директора Медресе-колледжа в Калькутте, получил от А. Стейна фотокопию одной из глав уйгурской версии «Абхидхармакоши» и тогда же переслал ее экземпляры Ф.И. Щербатскому, находившемуся в то время в Дарджилинге (Индия).

тель — У. Огихара). Задание по переводам источников на европейские языки было распределено следующим образом: карики и бхашью планировалось перевести на французский (переводчик — Л. де ла Валле Пуссен⁸), английский и русский языки (оба перевода должны были выполнить Ф.И. Щербатской и О.О. Розенберг), а комментарий Яшомитры — только на французский (переводчик — С. Леви⁹). Кроме того, планировалось и историко-философское исследование «Абхидхармакоши», направленное на систематическое обозрение теоретических концепций, содержащихся в трактате. Данная часть проектного задания поручалась О.О. Розенбергу.

Смысл этого грандиозного плана становится понятным, если учитывать, что санскритские оригиналы текстов, вошедших в Индии в состав трех разделов Трипитаки — Сутры, Винаи и Абхидхармы, не сохранились, но в составе собранных буддийских произведений, канонизированных в Китае и Тибете, имелись их переводы на китайский и тибетский языки. В 1910х гг. ученые располагали фрагментами текстов санскритской Трипитаки, содержащимися в новонайденных в Центральной Азии рукописях. Изучение этих фрагментов представляло значительные терминологические трудности. Ф.И. Щербатской и его коллеги по проекту рассчитывали, что сравнительное исследование обоих китайских и тибетского переводов «Абхидхармакоши» при сопоставлении с санскритским комментарием Яшомитры позволит системно эксплицировать буддийскую терминологию, вскрыть ее специальную семантику и составить трехязычный, санскритско-китайско-тибетский свод терминологических соответствий. А главное — они стремились ввести в научный оборот именно те источники, которые содержат полномасштабное логико-дискурсивное разъяснение учений, изложенных в семи трактатах канонической Абхидхармы и характеризующих в истории буддизма наиболее ранние этапы формирования философской экзегезы.

В классическом востоковедении XIX — начала XX вв. было принято опираться в научной интерпретации письменных памятников Востока и «туземной» терминологии на сведения, получаемые от носителей традиции. Но в вопросах изучения «северного буддизма» дело осложнялось тем, что в Индии эта традиция прекратила свое существование на рубеже раннего и среднего средневековья, а в Китае к концу XIX в. она пришла в упадок. Теократический Тибет в 1900—1910х гг. был труднодоступным для европейцев. В такой ситуации лишь японские буддисты могли оказать содействие европейским ученым.

⁸ Пуссен Луи де ла Валле (1869—1938) — классик франко-бельгийской буддологической школы; профессор в Гентском, а затем в Брюссельском университетах; поддерживал научные связи с С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским, с которым в 1900 г. занимался в семинаре у профессора Боннского университета Г. Якоби (1850—1937).

⁹ Леви Сильвен (1863—1935) — французский ученый-санскритолог, классик франко-бельгийской буддологической школы; профессор Сорбонны и Коллеж де Франс; член-корреспондент РАН (1918); с 1887 г. поддерживал тесные дружеские отношения с С.Ф. Ольденбургом.

В последней четверти XIX в. из среды японских буддистов выдвинулись ученые-буддологи, получившие образование на Западе, и их привлечение к участию в международных проектах практиковалось в Европе. Инициатива отечественной научной школы шла в русле этой тенденции. Европейские и российские востоковеды полагали, что японские буддологи, являясь просвещенными носителями буддийского мировоззрения, способны эффективно устранять неясности в текстологической работе с письменными памятниками.

Однако общая картина японской буддологии начала прорисовываться только благодаря вдумчивым наблюдениям О.О. Розенберга, находившегося в Японии с 1912 по 1916 гг. В своей монографии «Проблемы буддийской философии» (1918), суммирующей его результаты в разработке проекта по «Абхидхармакоше», российский ученый отмечал, что буддийская литература в Японии представлена добротными изданными китайскими переводами индийских сочинений — трех разделов санскритской Трипитаки, китайскими комментариями и оригинальными произведениями, а также местными, японскими комментаторскими и оригинальными сочинениями (Розенберг, 1991, с. 54). Розенберг также выявил важную особенность религиозного образования в традициях школ японского буддизма, состоявшую в изучении канонической литературы по китайским переводам, и особо отметил то обстоятельство, что в Японии в связи с введением санскрита в учебные программы «буддийских семинарий» получили распространение методы европейской филологии.

Вместе с тем российский ученый указывал на необходимость критического отношения к японским научным работам по вопросам индийского буддизма, поскольку большинство созданных в Индии произведений не функционировало в живой традиции японского буддизма и имело для ее носителей не более чем историческое значение (там же, с. 63). Он охарактеризовал два направления в изучении буддизма, представляющие японскую буддологию, — «старое» и «новое». Первое утверждало приоритеты живой местной традиции и выдвигало на передний план задачу освоения индийского канонического и постканонического письменного наследия именно в китайских переводах. Второе постулировало необходимость изучения санскрита. Оно опиралось на почерпнутые в Западной Европе филологические знания и методы, а также на полученный в европейских университетах опыт исследования санскритских рукописей, содержащих фрагменты оригинальных буддийских текстов.

«Новая школа буддийской филологии, — писал Розенберг, — находится под влиянием европейской индологии, которая была перенесена в Японию проф. Нандзё лет 40 тому назад. Изучение санскритского языка прививалось очень медленно, буддисты-японцы, изучавшие его в Европе, и их ученики были немногочисленны... Со временем выяснилось, конечно, что представители традиции в высокой степени были правы: филологическое знание никогда не может заменить философской традиции, а в этом отношении старая школа, безусловно, обладала более богатым и обработанным материалом в систематизированной китайской

литературе, чем новая школа, изучающая только фрагменты утерянной санскритской литературы» (там же, с. 64).

Он отметил и тенденцию, открывавшую плодотворную перспективу научного сотрудничества с представителями «старого» направления: «...старая школа начинает сознавать, что, поскольку речь идет об *индийской* (курсив Розенберга, — Т.Е.) философии, в имеющейся литературе содержится множество непонятных выражений и учений, которые без знания санскрита и индийской философии не могут быть правильно поняты. Таким образом, создается возможность совместной работы, в результате которой будет достигнуто по изучению индийской философии то, на что надеялась индология в Европе, указывавшая на желательность участия японских ученых-буддистов» (там же).

О Нандзё Бунью Розенберг говорил как об основателе «нового» направления — ученом, испытавшим влияние европейской философской мысли и отчасти утратившим связь с общей «старой» традицией. В качестве подтверждения этой оценки он упоминает выполненный в 1913 г. Нандзё перевод «Лотосовой сутры» с санскрита на японский язык без учета традиционных — китайских и японских философских интерпретаций этого памятника. Розенберг отмечал, что Б. Нандзё и в начале своей исследовательской деятельности не принимал во внимание традицию философской экзегезы, сложившуюся в Китае и Японии (там же).

Характеристики ряда персоналий японской буддологии даны О.О. Розенбергом в письмах Ф.И. Щербатскому¹⁰. Относительно У. Огихары он сообщал, что тот считается в Японии лучшим знатоком китайской и японской литературы по канонической Абхидхарме и «Абхидхармакоше», однако в статьях, написанных Огихарой для философского словаря, имеется немало «нелепых» мест (Вигасин, 2008, с. 456). При личном общении японский ученый не смог, по словам Розенберга, разъяснить ему своих же собственных суждений из этих статей, путаясь в санскритской терминологии, и в итоге признал, что написанное им «очень неудачно». Однако на следующий же день У. Огихара снабдил молодого российского коллегу множеством выдержек из китайских комментариев по данным вопросам (там же, с. 463–464).

Между тем, анализ писем О.О. Розенберга позволяет заключить, что и Б. Нандзё и У. Огихара высоко ценили буддийские философские письменные памятники. В частности, оба они интересовались санскритским комментарием Яшомитры уже в годы обучения в Европе. Так, в письме Ф.И. Щербатскому от 28 апреля 1914 г. Розенберг отмечал: «Я Вам уже писал, что текст Яшомитры у меня в списке с калькуттского манускрипта, сделанном Wogihara во время пребывания в Страсбурге у Леймана. Текст свой он сличил со списком Нанджо¹¹,

¹⁰ Письма О.О. Розенберга из Японии опубликованы А.А. Вигасиным (Вигасин, 2008, с. 444–458). О персоналиях японской буддологии, упоминаемых в письмах Розенберга из Японии см.: Островская, 2009.

¹¹ Имеется в виду список SAKV, сделанный Б. Нандзё в Англии с непальской рукописи из числа присланных Б.Х. Ходжсоном.

а теперь сравнивает его с Кошей, которую привез Takakusu»¹² (там же, с. 490). Огихара намеревался издать китайский перевод «Абхидхармакоши» параллельно с санскритским текстом калькуттской рукописи SAKV. Задаться такой целью был способен лишь чрезвычайно эрудированный буддолог-источниковед, знаток буддийской философии, имеющий опыт работы с пространными схоластическими текстами.

Ф.И. Щербатского в связи с научно-издательским проектом по «Абхидхармакоше» интересовали источники, утраченные в Китае, но сохранившиеся в Японии, — комментарии, созданные в русле школы Сюань-цзана¹³, а также собственно японская комментаторская и оригинальная литература, очень слабо известная в Европе в тот период.

Учитывая эти аспекты, Ф.И. Щербатской рассчитывал, что О.О. Розенберг при содействии японских ученых исследует источники, характеризующие буддийскую традицию Восточной Азии, и направления буддийской философии, развивавшиеся в Японии. Классик отечественной научной школы надеялся со временем сформировать в рамках буддологического источниковедения соответствующее ответвление исследований и учредить на базе РАН научно-издательскую серию «Введение в изучение буддизма по материалам, сохранившимся в Японии и Китае».

Ф.И. Щербатской, замышляя развертывание международного проекта по «Абхидхармакоше», пригласил к участию в нем У. Огихару как носителя традиции, изучившего у себя на родине всю сумму буддийских философских источников, еще не известных европейской науке, и как ученого-источниковеда, владевшего санскритом и методами текстологической работы. Огихара имел превосходную репутацию в западноевропейском сообществе ученых-буддологов, и Ф.И. Щербатской намеревался развить с ним тесное научное сотрудничество.

Успех издания в серии «Bibliotheca Buddhica» сводного санскритского текста «Лотосовой сутры» с участием Б. Нандзё, публикации буддологических трудов японских ученых, рукописные находки японских экспедиций в Центральную Азию, — все это свидетельствовало о том, что в Японии активно развивается новая для этой страны отрасль знания — научная буддология.¹⁴ В данной связи необходимо сказать, что ее становление обуславливалось идеологическими процессами, характерными для периода Мэйдзи (1868—1912)¹⁵ — времени лавино-

¹² Такакусу Дзюнъитиро (1866—1945) — ученый-буддолог, специалист в области письменных памятников абхидхармической традиции, изучал санскритологию в Англии, Франции и Германии; с 1894 г. профессор, а с 1930 г. президент Токийского университета.

¹³ О деятельности школы Сюань-цзана см.: Ленков, 2006, с. 54—103.

¹⁴ В 1913 г. в Токио, на базе буддийского Университета Тайсё, праздновалось завершение публикации сводного санскритского текста «Лотосовой сутры» в серии «Bibliotheca Buddhica», и в адрес РАН было направлено благодарственное письмо.

¹⁵ В японской историографии начало периода Мэйдзи именуется «реставрацией Мэйдзи». В 1867—1868 гг. сторонникам императора удалось ликвидировать военно-феодалное прави-

образных общественных изменений в политической, социально-экономической и социокультурной сферах жизни японского общества. Освободившись от внешнеполитической самоизоляции, Япония открылась для контактов с Западом и приступила к строительству национального капиталистического государства, сохраняя и идеологически укрепляя при этом монархическую власть. В 1871 г. в стране был провозглашен курс на построение «просвещенной цивилизации» (буммэй кайка), предполагавший, в частности, обширные заимствования из культурного фонда Запада и развитие образования и науки по европейским образцам. Специальные дипломатические миссии направлялись в столицы великих держав для ознакомления с их политическим и государственным устройством, на правительственном уровне поощрялось обучение японской молодежи в западноевропейских университетах и высших учебных заведениях Америки (Гришелева, 1986).

Но буддизм на раннем этапе периода Мэйдзи претерпел вытеснение на периферию религиозной жизни японского общества. В 1868 г. была создана религиозно-политическая система государственного синто, идейную основу которой составляли эндогенные мифологические представления о божественном происхождении японской императорской династии. Культ императора был возведен в ранг государственной идеологии, поскольку в течение двух предшествующих столетий к нему апеллировали в борьбе с могущественными военно-феодалными кланами сторонники возвращения всей полноты власти монарху как легитимному верховному правителю.

В 1872 г. с целью упорядочения деятельности буддийских организаций и контроля над ними был выпущен правительственный декрет, согласно которому официально признавались семь школ японского буддизма: *тэндай* (школа небесной опоры), *сингон* (школа истинных слов, т.е. мантр), *дзёдо* (школа Чистой Земли), *дзёдосин* (истинная школа Чистой земли), *дзи* (школа благоприятного случая), *нитирэн* (школа, основанная монахом Нитирэном, 1222—1282; другое название — *хокэн-сю*, т.е. школа «Лотосовой сутры») и *дзэн* (школа созерцания). Каждая школа была обязана иметь собственный административный аппарат (церковное управление), иерарха — *кантё* и подавать министру религий в императорском правительстве регулярные отчеты о своей деятельности. Функционирование буддийских и синтоистских общин подверглось разграничению.

В административном порядке запрещалась проповедь каких-либо буддийских учений, противоречащих догмам государственного синто. Буддийские храмы,

тельство — «бакуфу» (букв. «полевая ставка») во главе с сёгуном (военным правителем), которое до того времени функционировало параллельно с императорским правительством, фактически присвоив себе монополию на власть в стране. Образование «бакуфу» как института власти стало результатом появления на политической арене Японии влиятельных феодальных домов, дислоцированных в восточных районах страны. Борьба сторонников возвращения монополии на власть монарху начала обостряться в конце XVII в., но только в 1868 г. завершилась победой. События 1867—1868 гг. представляли собой политически незавершенную буржуазную революцию.

принадлежавшие в далеком историческом прошлом приверженцам синтоизма, были возвращены «законным наследникам». После ритуального «очищения», включавшего уничтожение буддийских культовых принадлежностей, символики, произведений изобразительного искусства, в них возобновилось отправление синтоистских обрядов (Розенберг, 1991, с. 62). Многие священнослужители из числа изгнанного из таких храмов буддийского духовенства предпочли в подобной ситуации отказаться от религиозного поприща и уйти в мир (там же).

Буддизм оказался в фокусе идейной критики. Прозападно настроенные интеллектуалы акцентировали несоответствие буддийской картины мира научным представлениям. А апологеты государственного синто критиковали буддийское вероучение с националистических позиций как пришедшее из Кореи¹⁶ и соответственно чуждое духу японской нации.

Реакция буддийского духовенства выразилась в стремлении, сохраняя политическую лояльность, приспособиться к сложившимся условиям путем инкорпорирования японского буддизма в общегосударственное русло модернизации. Одно из направлений в развитии буддийских обновленческих идей ориентировалось на обоснование национальной составляющей в японском буддизме — утверждалось, что японцы по собственной инициативе получили Учение Будды из Индии и в далеком прошлом санскрит как подлинный язык буддийской учености функционировал в Японии. Из такой идеологической посылки вытекала практическая цель — «возродить» знание санскрита с тем, чтобы «очистить» собственное понимание буддийских канонических текстов, «записанных с помощью китайских иероглифов», от чужеродных наслоений. Тот факт, что буддийские тексты и, в частности, чрезвычайно популярная в японском буддизме «Лотосовая сутра» изучаются в европейской науке¹⁷ на санскрите и китайском языке, служил сильным аргументом в пользу развития данного направления обновленчества. Постановка такой идеологической сверхзадачи, как «возрождение» санскрита в Японии, и послужила первичным импульсом к зарождению буддологического источниковедения.

К началу 1880-х гг. гонения на буддизм в Японии прекратились, но все же ему было отведено относительно синтоизма подчиненное положение. Идеологи государственного синто способствовали привлечению буддийского духовенства к формированию идейных позиций, отвечающих запросам японской монархи-

¹⁶ Согласно официальной японской хронике «Нихон сёки», в 552 г. (по другой версии — в 538 г.) к императорскому двору в качестве дара от корейского государства Пэкче были доставлены буддийские сутры и статуя Будды.

¹⁷ Начало изучения «Лотосовой сутры» в Европе было положено французскими учеными — Ж.П. Абелем-Ремюзой (1788–1832) и Станиславом Жюльеном (1797–1873). В 1852 г. вышел перевод «Лотосовой сутры» на французский язык, выполненный Э. Бюрнуфом (1801–1852) с непальских санскритских рукописей, которые были в 1838 г. присланы в Париж Б.У. Ходжсоном, а в 1871 г. — перевод на английский язык, выполненный с китайской версии Кумарадживы британским китаистом-буддологом С. Билом.

ческой власти. Ряд видных деятелей буддийской церкви выдвинули учение о «буддизме, защищающем государство»¹⁸. Сохранение политической лояльности и умение адаптироваться к общественным изменениям позволили буддийскому духовенству не только сберечь традиционную ученость, но и соединить ее с буддологией как отраслью научного знания. Нандзё Бунью был одним из тех, кто стоял у истоков молодой японской буддологии.

Путь Б. Нандзё в мировую науку представляет интерес в аспекте типологических особенностей зарождения буддологического источниковедения в Японии. В данном аспекте представляют немалый интерес сведения, содержащиеся в его автобиографии, которую Ф. Макс Мюллер разместил в сборнике биографических очерков (Max Müller, 1884). Имя, под которым японский ученый получил мировую известность, досталось ему от приемного отца — буддийского священнослужителя, уроженца местности Нандзё. Факт обретения приемных родителей вовсе не означал, что будущий ученый в детстве претерпевал сиротство. Институт усыновления являлся неотъемлемым элементом традиционной социокультурной системы Японии, предполагавшей передачу младших сыновей из семейств, богатых мужским потомством, в семьи, не имевшие наследников (Китагава, 2005). Родной отец Б. Нандзё, настоятель небольшого храма Истинной школы Чистой земли¹⁹, располагавшегося в г. Огаки префектуры Гифу, имел четырех сыновей.

¹⁸ Сакральность императорской власти, зафиксированная в японской Конституции 1889 г., обрела буддийскую легитимацию в учении одного из идеологов светского нитирэннизма Танаки Тигану (1861–1939), отождествившего синтоистскую богиню Аматэрасу, мифическую прародительницу японских императоров, как воплощение вечного абсолютного Будды. Танака Тигаку также обосновал официальную доктрину периода Мэйдзи об «уникальной японской национальной сущности» (кокутай). Подробнее см.: Lee, 1975.

¹⁹ Истинная школа Чистой Земли (дзёдосин-сю) была создана в начале XIII в. Синраном (1172–1263), учеником основателя школы Чистой Земли (дзёдо-сю) Хонэна (1133–1212). Смысловым ядром обеих школ выступает проникший в Японию из Китая в VIII в. культ будды Амитабхи (кит. Амито-фо; яп. Амида), владыки «западного рая» — небесной страны счастья Сукхавати, или Чистой Земли (кит. цзин ту; яп. дзёдо), где согласно махаянской мифологии находят избавление от круговорота рождений (сансары) его ревностные почитатели. Обе школы принадлежат к амидаизму — японскому социокультурному аналогу цзинту-цзан, крупного течения в буддизме Китая. Базовыми текстами обеих школ являются переводы на китайский язык трех индийских махаянских произведений — «Большая Сукхавативьюха-сутра» (она же — «Амитабхавьюханама Махаяна-сутра»), «Амитаюрдхьяна-сутра» и «Амитабха-сутра» (она же — «Малая Сукхавативьюха-сутра»). В учении школы Чистой Земли была выдвинута идея «легкого пути» в Сукхавати — пути веры в спасительную силу милосердного Амида и практики повторения восхваляющей владыку «западного рая» формулы, но также признавался и «трудный путь», т.е. индивидуальное религиозное подвижничество. В отличие от этого Синран в своих сочинениях придал именно вере абсолютное метафизическое значение, отождествив ее с «природой будды» (буссё). Согласно его учению подвижничество тщетно, ибо греховность присуща человеку, и только истинная вера, соединенная с повторением священной формулы восхваления, служит залогом спасения — рождения в Сукхавати среди будд и бодхисаттв. В традиции дзёдосин-сю возникли со временем территориальные храмовые общины, объединяющие мирян и священнослужителей, семейных и не отличимых по внешним признакам от своей паствы. Подробнее см.: Dobbins, 1986.

Трое из них, включая Б. Нандзё, были усыновлены семьями буддийских священнослужителей, нуждавшихся в наследниках, а сын-первенец по традиции наследовал пост отца в храме, который находился на содержании семьи настоятеля.

Детство и юность Б. Нандзё прошли в родной семье, поскольку акту усыновления должна была предшествовать длительная образовательная подготовка, состоявшая в изучении не только буддийского, но и конфуцианского письменного наследия, закрепившегося в культурной традиции Японии. Родной отец Б. Нандзё являлся знатоком конфуцианской классики и китайского языка, а также владел искусством стихосложения по канонам китайской поэтики. Именно он и обучал сына этим наукам, покуда тот не достиг пятнадцатилетнего возраста. Отец выступал его наставником в изучении конфуцианского канона и китайской традиционной историографической литературы, которая, отметим, содержит значительный массив сведений по истории буддизма на Дальнем Востоке и в Центральной Азии — Тибете и Монголии.

Параллельно Б. Нандзё осваивал буддийские науки. Согласно традициям Истинной школы Чистой Земли мальчикам шести-семи лет от роду надлежало владеть навыками рецитации сутр — «Большой Сукхавативьюха-сутры» и «Амитабха-сутры», а также произведений Синрана. Этой линией образования Нандзё руководил его школьный учитель, знаток китайской Трипитаки.

Основным методом обучения малолетних японских буддистов являлась жестокая зубрежка — тексты заучивались наизусть со слуха путем многократного повторения вслед за учителем. По достижении успеха в этом нелегком деле школьники приступали к чтению письменных источников. Нандзё вскоре оказался в числе продвинутых учеников, получавших поощрения.

Когда ему исполнилось 16 лет, юноша начал практиковаться в ведении храмовой службы в семейном храме и подготовке проповедей. Позднее его отец открыл частную школу, и Нандзё ассистировал ему в преподавании конфуцианской классики и китайского языка.

К началу периода Мэйдзи двадцатилетний Б. Нандзё уже солидный запас традиционной учености и некоторый опыт религиозной и преподавательской деятельности. В соответствии с тенденциями времени главы буддийских школ стремились получить сведения относительно западных — протестантских и католических моделей взаимодействия религии и общества. Наибольший интерес к этому вопросу проявляло духовенство школ, исторически связанных с г. Киото, — школы Чистой Земли и Истинной школы Чистой Земли. Обе они шли в авангарде обновления японского буддизма и в том числе буддийского образования. Поскольку обновленческие идеи предполагали обращение к истокам веры, т.е. к буддийскому наследию Индии, планировалось ввести в систему религиозного образования санскрит. А это в свою очередь требовало подготовки соответствующих преподавательских кадров путем их обучения в западноевропейских университетах, где имелись кафедры санскритологии. В этом направлении и начала развиваться карьера Нандзё.

В 1868 г. он стал студентом буддийской академии в Киото. Проучившись там год, Нандзё посвятил следующие два года преподаванию конфуцианской классики в родном городе, где его учениками являлись демобилизованные воины, участвовавшие на стороне императора в военных действиях в северо-восточных провинциях страны. Наряду с преподаванием он вел регулярные службы в семейном храме. По завершении этого периода и состоялся акт усыновления. Его приемным отцом стал наследственный настоятель храма Истинной школы Чистой Земли в местности Нандзё, совмещавший религиозную деятельность с преподаванием в духовном училище в Киото. В 1871 г. будущий ученый завершил в Киото свое религиозное образование — буддийская академия присвоила ему соответствующую ученую степень. Он также получил посвящение, позволявшее наследовать пост настоятеля храма, который содержала семья его приемного отца.

Сначала он занимался только преподавательской деятельностью — как в Киото, так и в местности Нандзё, обучая молодых священнослужителей китайской Трипитаке и конфуцианскому каноническому наследию. Но очень скоро усердие и высокая образованность Нандзё Бунью были замечены буддийским священноначалием, и в 1872 г. ему предоставили должность составителя ежемесячных отчетов в провинциальном церковном управлении. Пребывая в этой должности, он подружился с коллегой-сверстником Касаварой Кендзю²⁰, с которым, как впоследствии оказалось, ему предстояло отправиться в Европу для получения санскритологического образования.

В 1873 г. деятельность Нандзё на время была прервана — его приемная мать тяжело заболела и выражала настойчивое желание, чтобы он еще при ее жизни вступил в брак и позаботился о появлении наследника. Только по прошествии двух лет Нандзё смог вернуться в Киото к делам службы. Но тем не менее его карьера продолжала успешно развиваться — по личному распоряжению Министра религий Б. Нандзё занял пост буддийского проповедника 10-й ступени, весьма высокий в религиозной иерархии школы.

Как отмечал ученый в автобиографическом очерке, на этом закончился ранний этап его жизненного пути. Будучи по японским меркам очень молодым человеком, он получил респектабельный официальный религиозный статус и обладал обширными знаниями в области буддийской литературы. Ему были известны китайские переводы санскритской Трипитаки и индийских махаянских произведений, а также созданные в Китае и Японии комментарии к ним. Поскольку Б. Нандзё знал конфуцианскую классику и традиционную китайскую историографическую литературу, он располагал представлениями о терминологическом багаже китайских переводчиков санскритской Трипитаки и сведениями о со-

²⁰ Касавара Кендзю (1851–1883) получил известность в западноевропейской буддологии благодаря подготовленному им изданию «Дхарма-Санграхи», вышедшей в свет уже после его кончины. См.: The Dharma-Samgraha: an ancient collection of Buddhist technical terms, prepared for publication by Kenju Kasavara, a Buddhist priest from Japan, and after his death ed. by F. Max Müller and H. Wenzel. — Oxford: 1885.

бытиях, сопровождавших процесс укоренения буддизма в Китае и странах Центральной Азии. С точки зрения деятелей провинциального церковного управления такой компетентный молодой представитель Истинной школы Чистой земли вполне подходил для командирования в Европу с целью получения санскритологической подготовки, чтобы затем приступить к «возрождению» санскрита в Японии. Его друг и коллега К. Касавара также получил командировку, и они вместе были направлены в Англию, где санскрит был включен в университетские программы филологического образования.

Ни тот, ни другой не знали ни европейских языков, ни западного образа жизни, и на первых порах им приходилось опираться на помощь «Общества японских студентов в Англии». В 1879 г. Нандзё, овладевший к тому времени английским, отправился в Оксфорд, чтобы стать учеником Ф. Макса Мюллера (1823—1900), крупнейшего в то время знатока религий и философского наследия Индии. Учеником Макса Мюллера стал и К. Касавара.

Развитию сотрудничества Б. Нандзё с оксфордским профессором способствовал острый интерес последнего к санскритским рукописям, имевшимся, по некоторым сведениям, в буддийских храмах Японии. Было известно, что традиция рукописного воспроизведения оригинальных индийских произведений не угасла в этой стране.²¹ Нандзё инициировал соответствующие разыскания в монастырских библиотеках. Последователям Истинной школы Чистой Земли удалось найти в храме Кокидзи списки «Ваджраччхедики» («Алмазной сутры») и ряд текстов круга Праджняпарамиты, а в библиотеке храма Хоридзи — списки «Праджняпарамита-хридая-сутры» и «Ушнишавиджая-нама-дхарани». Все они в заново изготовленных списках были отосланы в Оксфорд.

На Пятом международном конгрессе востоковедов, проходившем в 1881 г. в Берлине, Б. Нандзё и К. Касавара под водительством с Ф. Макса Мюллера представляли Оксфордский университет. По завершении этого научного форума они шесть недель провели в Париже, где в Национальной библиотеке занимались копированием рукописи Махавьютпатти («Большая этимология») — «туземного» буддийского словаря санскритско-тибетско-китайско-монгольских терминологических соответствий и знакомились с коллекциями манускриптов.

Совместным научным проектом Макса Мюллера и Нандзё явилось издание в 1883 г. двух базовых текстов Истинной школы Чистой Земли — Большой «Сукхавативьюха-сутры» и «Амитабха-сутры». Оно было подготовлено на основе санскритских манускриптов — списка, доставленного из Японии, и рукописей, хранящихся в библиотеке Бодли²².

²¹ В буддийской культуре рукописи, излагающие Учение Будды, считались сакральными объектами, и их переписывание, осуществлявшееся даже без знания языка, т.е. механическое копирование, квалифицировалось как «достойное деяние» — благое действие, порождающее в качестве своего метафизического результата религиозную заслугу.

²² Библиотека Бодли — старейшее древлехранилище Оксфордского университета; названа по имени ее основателя — Томаса Бодли (1545—1613), британского дипломата, собирателя рукописных раритетов.

Успех обнаружения санскритских рукописей в Стране восходящего солнца побудил Макса Мюллера предложить Нандзё новое направление поисков — Тибет. Тот с воодушевлением принялся за разработку маршрута будущей экспедиции, намереваясь идти к цели, начиная с Индии, пересечь Гималаи и, посетив Тибет, вернуться в Японию через Китай. Но в силу приводящих обстоятельств этим планам не суждено было реализоваться. В дальнейшем, уже будучи всемирно признанным ученым, Б. Нандзё теоретически обосновывал научную перспективность подобных экспедиций.

Пребывание Нандзё в Англии заполнялось кропотливым изучением состава собраний рукописей и старопечатных изданий в древлехранилищах Лондона и Оксфорда. В 1881 г. он подготовил и издал Каталог собрания японских и китайских старопечатных книг и рукописей библиотеки Бодли. Этот труд получил высокое признание, и в 1882 г. Б. Нандзё был избран членом Королевского Азиатского общества — влиятельной научно-общественной организации, патронируемой Британской короной.

Мировую славу Нандзё принесла в 1883 г. публикация составленного им Каталога рукописей китайских переводов Трипитаки из коллекции Библиотеки Департамента Индии (Indian Office Library)²³ — «A catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan» (Nanjio, 1883). За эту работу Б. Нандзё была присвоена магистерская ученая степень. Имела она и важный дипломатический аспект: изданное в Японии собрание буддийских канонических произведений было официально преподнесено от имени страны в дар Департаменту Индии.

Экземпляры Каталога получили главы царствующих династий в странах укоренения буддизма — императоры Китая и Японии, король Сиама. Каталог рассылался и с учетом первостепенной источниковедческой значимости данного издания — научным обществам стран Европы и Азии, видным ученым-буддологам.

Нандзё также каталогизировал ту часть собрания санскритских рукописей, которая поступила от Б. Х. Ходжсона в британские библиотеки. Японский ученый реконструировал оригинальные санскритские названия произведений и датировал их китайские переводы. Научная ценность проделанной им работы состояла в том, что каталог, снабженный этими не известными прежде сведениями, позволял судить о номенклатуре памятников «северного буддизма», продвигавшихся за пределы Индии.

Существеннейшим результатом столь продолжительной командировки Б. Нандзё в Европу явилось для Японии внедрение санскрита в университетские образовательные программы. Нандзё сумел донести до своих ученых сооте-

²³ Indian Office Library была основана в 1798 г. как собрание рукописей, книг и документов, относящихся к британским колониальным владениям в Южной и Юго-Восточной Азии. Основу ее древлехранилища составляли коллекции манускриптов, собранные чиновниками Британской Ост-Индской компании.

чественников — представителей традиционной учености методологически важную идею о необходимости проведения сверки китайских переводов индийской пост-канонической литературы с сохранившимися санскритскими оригиналами.

Имя Нандзё получило широкую известность в российской науке, как говорилось выше, благодаря изданию в серии «*Bibliotheca Buddhica*» «Лотосовой сутры». Интерес японского ученого к проблеме составления сводного санскритского текста этого памятника возник в период сотрудничества с Максом Мюллером. В то время Нандзё уделил немало сил палеографическому обследованию непальских рукописей «Лотосовой сутры», составил на их основе сводный текст, который затем переслал Х. Керну с целью дальнейшего сотрудничества. Идея издания в серии «*Bibliotheca Buddhica*» этого памятника принадлежала С.Ф. Ольденбургу, лично знакомому с Х. Керном со времен своей научной командировки в Европу в 1887–1889 гг. Подготовка издания планировалась с учетом всех версий памятника, известных в Европе.

Издание вышло в свет в пяти выпусках — в 1908, 1909, 1909, 1910, 1912 гг. (в 1909 — два выпуска). Вместе с последним выпуском публиковалось предисловие (на английском языке) ко всему изданию, написанное совместно Б. Нандзё и Х. Керном. В этот же выпуск были включены два титульных листа — на русском и английском языках: «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание буддийских текстов, издаваемых Императорской Академией наук. Том X. *Saddharmapuṇḍarīka*. Издали проф. Г. Керн и проф. Бунью Нанджио. Санкт-Петербург, 1912» и «*Saddharmapuṇḍarīka*. Ed. by H. Kern and Bounyio Nanjo (*Bibliotheca Buddhica*. X). St.-Petersbourg, 1912».

Х. Керн и Б. Нандзё учили в этой своей работе семь рукописей: одну из Королевского Азиатского общества, скопированную Нандзё в период ученичества у Макса Мюллера; одну из Британского музея; две — из Библиотеки Кембриджского университета; фрагмент, обнаруженный в 1906 г. Маннергеймом в Центральной Азии и хранящейся в Азиатском музее РАН; две — из частных собраний (одна — найденная Э. Кавагучи в Непале, другая — принадлежавшая Уоттерсу, британскому консулу на Формозе), а также ими был обследован литографский текст, ранее опубликованный Фуко. Получить для работы рукописи, хранящиеся в Париже и в Калькутте, Нандзё не удалось. В предисловии к изданию имеются упоминания о приписываемых авторству Васубандху двух комментариев на «Лотосовую сутру», известных в Японии в переводах Бодхиручи и Ратнамати на китайский язык.

Издание Керна-Нандзё неоднократно критиковалось на протяжении XX в. Ученые последующих поколений сетовали, в частности, на обнаруживаемую в нем непоследовательность текстологических принципов. Однако, как абсолютно справедливо отмечал в конце столетия Д.С. Серебряный, вопрос о теоретических подходах и текстологических принципах мог быть поставлен в связи с изучением санскритских рукописей «Лотосовой сутры» именно потому, что уже имелось

издание Керна-Нандзё, служившее отправной точкой в научном познании этого памятника (Серебряный, 1998, с. 11).

На некоторую ограниченность в подходе Нандзё как буддолога-источниковеда указывал О.О. Розенберг. Оценивая Каталог китайских переводов Трипитаки, российский ученый писал, что Нандзё «умалчивает о китайской, а также и о японской литературе комментариев, создавая впечатление, что для изучения буддийской переводной литературы достаточно тех сочинений, которые входят в состав канонического китайского сборника. На самом же деле традиционное понимание текстов и догматическая работа китайских и японских буддистов изложена именно в этой обойденной молчанием экзегетической литературе, которая содержит ключ к пониманию классической буддийской литературы» (Розенберг, 1991, с. 68). Причину этого «умалчивания» Розенберг усматривал в том влиянии, которое оказала на Б. Нандзё европейская наука XIX в., не знавшая буддийскую философскую мысль и готовая признавать в качестве философии только европейскую мыслительную традицию.

Однако нам эта причина видится в другом, а именно в той клерикальной практике, которой Нандзё отдал годы своей юности. Ведя буддийскую проповедь в соответствии с принципами Истинной школы Чистой Земли, он не нуждался в привлечении высокоспециализированного материала философской комментаторской литературы. Позиция японского священнослужителя и преподавателя духовного училища — «буддийской семинарии», как называл такие учебные заведения Розенберг, по-видимому, продолжала довлеть над ним и в науке — основу понимания буддийского мировоззрения Б. Нандзё усматривал в первую очередь в литературе сутр.

О.О. Розенберг видел перспективность подключения японских буддистов-буддологов к международным научным проектам именно в аспекте настоящей необходимости исследования буддийских философских трактатов, являющихся теоретическим ключом к адекватному пониманию литературы сутр и всей системы терминологии, используемой в буддийских письменных памятниках.

О.О. Розенбергу не довелось вступить в личное общение с Нандзё. Но с его младшим современником — Огихарой Унрай российский ученый, как говорилось выше, имел возможность контактировать неоднократно. Он далеко не сразу оценил высокую степень образованности Огихары. Лишь по мере наблюдения его работы над подготовкой к изданию комментария Яшомитры Розенберг осознал тот факт, что Огихара в 1910-х гг. являлся одним из лучших японских санскритологов и одновременно глубоким знатоком переводов буддийских постканонических текстов на китайский язык и созданной в Китае и Японии комментаторской и оригинальной литературы.

Жизненный путь Огихары и то образование, которое он получил, свидетельствуют, что именно свойственное японским буддистам-буддологам доскональное знание широкого круга письменных источников способствовало прогрессу в развитии буддологии в Японии.

Он родился в 1860 г. в префектуре Вакаяма, на территории которой превалировало учение *синги-сингон-сю*, возникшее в русле школы сингон²⁴ в XII в. и выдвинувшее на передний план культ будды Амиды. Отец его рано умер, и мать отвезла мальчика в Токио, определив в ученичество к проповеднику амидаизма — Огихаре Унрай, просвещенному монаху школы Чистой Земли. Наставник впоследствии усыновил ученика и передал ему свое имя.

Образование юноша получил в колледже, учрежденном иерархами школы, где преподавался английский язык и изучались тексты, включенные в состав китайской Трипитаки, — переводы индийских канонических текстов, постканонических трактатов, махаянских сутр. Основное внимание он сосредоточил на изучении «Махаविбхаши» — трактата, составленного в III в. н.э. кашмирскими последователями школы Сарвастивада, и обоих китайских переводов «Абхидхармакоши»²⁵. У. Огихара, как и Б. Нандзё, изучал также и конфуцианское письменное наследие и историографическую литературу. Благодаря полученному образованию и собственному усердию он получил признание в среде носителей традиции как знаток «китайской науки». В 1887 г. его направили в Европу для изучения санскрита.

В отличие от Нандзё У. Огихара обучался в Германии, в Страсбургском университете²⁶. Его наставником там был сверстник — профессор Э. Лейман²⁷ (1859—1931), специалист в исследовании буддийских текстов на санскрите и языке пали, владевший также языками Центральной Азии. Под руководством Э. Леймана Огихара изучал санскритологию и приобретал навыки текстологической работы с буддийскими письменными памятниками в течение шести лет. В те годы он широко общался в европейскими коллегами, высоко ценившими в нем эрудицию компетентного носителя традиционной учености (In Commemoration, с. II—III).

Как буддиста-буддолога У. Огихару интересовали трактаты постканонической Абхидхармы и махаянской школы Виджнянавада («Учение о сознании»), а также тексты цикла Праджняпарамиты, в частности, «Абхисамая-аламкара»²⁸. Так, он перевел на японский язык с китайского комментарий Стхирамати к «Тримшике» (полное название трактата — «Тридцать стихов о только-осознании»)²⁹, одному из базовых текстов школы Виджнянавада, приписываемому авторству Васубандху. Изучение «Тримшики» и порожденной этим трактатом

²⁴ О школе сингон и ее субтрадициях см.: Трубникова, Бачурин, 2009, с. 45—140, 240—250, 346—359, 397—406. В период Мэйдзи иерархи школ сингон и Чистой Земли тесно сотрудничали в развитии буддийского образования в Японии.

²⁵ Перевод Парамартхи считался в Японии «древним текстом» (кюхон), и его преподавание в духовных училищах обычно ограничивалось цитированием извлечений.

²⁶ По итогам Первой мировой войны Страсбург отошел в границы Франции.

²⁷ Э. Лейман профессорствовал в Страсбургском университете с 1884 по 1918 г. После передачи Страсбурга Франции (1918 г.) он, как и другие его коллеги-немцы, переселился в Германию, а кафедру санскритологии в Страсбургском университете возглавил С. Леви.

комментаторской традиции занимались в первой четверти XX в. западноевропейские буддологи Л. де ла Валле Пуссен, С. Леви и ученые Санкт-Петербургской буддологической школы, начиная с О.О. Розенберга (Ермакова, 1998, с. 331).

Интерес У. Огихары к этому аспекту буддийского письменного наследия мотивировался не только тенденцией развития буддологических исследований в Западной Европе и России, но и его собственной преподавательской деятельностью в Токио, в буддийском Университета Тайсе. В этом учебном заведении, учрежденном иерархами школ сингон и Чистой Земли, изучались китайские переводы виджнянавадинских произведений. У. Огихара как ведущий профессор-санскритолог включил в программу своего курса оригинальные тексты Виджнянавады. Он также подготовил санскритско-японский словарь, снабженный китайскими терминологическими соответствиями, который помогал студентам в освоении этих сложнейших философских источников. С целью обеспечения учебного процесса дополнительной литературой, содержащей сведения из европейской буддологической литературы, он написал на японском языке работу «История индийского буддизма» (Индо-но буке), которая вышла в Токио в 1914 г. (Розенберг, 1991, с. 266).

Годом позже У. Огихара издал словарь Махавьютпатти. В этом издании были представлены только санскритско-китайские терминологические соответствия. В основу этого труда японского ученого было положено второе российское издание Махавьютпатти, которое Н.Д. Миронов выпустил в 1911 г. в серии «Bibliotheca Buddhica», осуществив переработку первого, подготовленного И.П. Минаевым (Вигасин, 2008, с. 476).

Авторитет У. Огихары как ученого-буддолога был настолько высок в Японии, что его консультациями пользовался даже старший по возрасту и всемирно признанный Б. Нандзё, когда готовил к изданию «Ланкаватара-сутру». Консультировались с Огихарой и европейские коллеги, в частности, С. Леви, обнаруживший в Непале в 1922 г. санскритский оригинал комментария Стхирамате к «Тримшике» и занимавшийся его текстологическим изучением. Продолжая дело Б. Нандзё, Огихара в содружестве с японскими коллегами подготовил японский алфавитный индекс к Каталогу китайских переводов Буддийской Трипитаки (Japanese Alphabetical Index, 1930)³⁰.

²⁸ Санскритский оригинал памятника был обнаружен Ф.И. Щербатским в древлехранилище Кембриджа в 1905 г. и издан им совместно с Е.Е. Обермиллером в 1929 г. в серии «Bibliotheca Buddhica» (ВВ, XXIII).

²⁹ Тримшати-виджнянтиматра-карика»; санскритский оригинал комментария Стхирамате в жанре тика (пословное разъяснение) до 1922 г. считался утраченным. О «Тримшике» и комментариях к этому трактату, функционировавших в китайской буддийской традиции см.: Ленков, 2006, с. 11–18).

³⁰ В предисловии к этому изданию изложена биография Б. Нандзё, содержащая сведения, которые не вошли в автобиографический очерк, опубликованный в 1884 г.

Тем не менее обширнейшая эрудиция У. Огихары имела типологические особенности, обусловленные японской парадигмой буддийской учености. О.О. Розенберг, стажировавшийся в Университете Тайсё, надеялся, что в лице Огихары он обретет компетентного консультанта по философской проблематике постканонической Абхидхармы. Но, ознакомившись с его статьями в «Энциклопедии религии и этики» Дж. Хастингса, был немало разочарован. Не ободрила его и первая личная беседа с Огихарой, исполнявшим обязанности научного руководителя российского стажера. В письме Ф.И. Щербатскому он сообщал: «Его (Огихары, — Т.Е.) статьи я летом прочитал и вынес так же мало, как и из остальных учебников. Трудные термины без объяснений, и нашлось много очень неясных фраз, непонятных не только мне, но и проф. Anezaki. Мы тогда обратились к Wogihara за разъяснениями — и что же — он не был в состоянии объяснить своих же фраз, терминов не помнил» (Вигасин, 2008, с. 403–404).

Изложенный Розенбергом эпизод весьма показателен для понимания подхода японских буддистов-буддологов к решению научных задач, связанных с определением семантики санскритского понятийно-терминологического аппарата буддийских письменных памятников. Получив буддийское образование по системе японских духовных училищ, они являлись высококлассными начетчиками, превосходно ориентировавшимися не только в текстах китайской Трипитаки, но и в весьма обширном фонде последующей, китайской и японской (комментаторской и оригинальной) буддийской литературы. Они без особого труда определяли контексты, служившие разъяснением терминологии, пришедшей из Индии. Но при этом японские буддисты-буддологи слабо владели навыками европейской научной дискуссии, предполагавшей отчетливое обоснование личной теоретической позиции и критическое обсуждение концептуального материала³¹.

Но что же представляли собой те немногие работы, которые Огихара написал на английском языке? Обратимся к его статье «Васубандху», опубликованной в вышеназванной энциклопедии (*Enciclopedia of Religions and Ethics*, v. XII, p. 596–597). Джеймс Хастингс (1852–1922), инициатором этого издания, привлек для написания статей по буддизму и для участия в работе редакционной коллегии наиболее авторитетных ученых-буддологов того времени. Наряду с Г. Якоби, Л. де ла Вале Пуссенем, С. Леви в их числе оказался и Огихара Унрай. В под-готовленной им статье о Васубандху приводятся ссылки на такие источники, как «Жизнеописание Васубандху» Парамартхи, «Записки о западных странах» Сюань-цзана, тибетский историографический трактат «История буддизма в Индии» Д. Таранатхи. Огихара также ссылается на статью Такакусу (Takakusu, 1905) по вопросу о датах жизни Васубандху и на ряд европейских буддологических исследований.

³¹ О.О. Розенберг отмечал, что в среде японских ученых того времени любая критика расценивалась как невежливость и даже оскорбление, и это в значительной степени тормозило свободный обмен мнений по спорным научным проблемам (Розенберг, 1991, с. 66).

Специальное внимание японский ученый уделит вопросу об эволюции философских воззрений Васубандху, сместившихся от Вайбхашики в сторону Саутрантики. Огихара подчеркивал интеллектуальную свободу Васубандху и его нежелание заведомо признавать авторитет какой-либо одной буддийской школы. В этом же направлении интерпретируется У. Огихарой и «Абхидхармакоша». Однако думается, что Огихара особо акцентировал сдвиг воззрений Васубандху в сторону школы Саутрантика, чтобы тем самым убедить читателя в логичности дальнейшего перехода индийского мыслителя на мировоззренческие позиции Махаяны, как это было принято считать в китайском и японском буддизме. Он приводит в качестве аргумента приписываемый Васубандху комментарий к «Лотосовой сутре», указанный в каталоге Б. Нандзё. Отметим также, что последователи школы Чистой земли, признававшие «трудный путь» религиозного подвижничества, включали Васубандху в число корифеев своей традиции на том основании, что в «Абхидхармакоше» шестой раздел («Учение о пути Благородной личности») посвящен описанию практики *абхисамай* — интуитивного постижения Благородных истин, открытых Буддой Шакьямуни.

Однако Ф.И. Щербатской, приглашая Огихару к участию в научно-издательском проекте по «Абхидхармакоше», ориентировался не столько на мировоззренческую позицию японского ученого, сколько на его исключительную осведомленность в области китайских и санскритских абхидхармических источников. В проекте Огихаре предстояло, напомним, подготовить издание второй-восьмой глав санскритского комментария Яшомитры и обоих китайских переводов «Абхидхармакоши» с учетом сложившейся в Китае и Японии комментаторской литературы.

Огихара глубоко понимал значение буддийской философской литературы, поскольку именно в трактатах была представлена совокупность строгих логико-дискурсивных определений, раскрывавших предметную область значения специальной терминологии. И в этом свойственном Огихаре понимании сказались, на наш взгляд, особенность полученного им в юности буддийского образования, включавшего освоение широкого спектра постканонической литературы — абхидхармических трактатов и махаянских произведений. Но работа над проектом оказалась очень нелегкой.

Следует сказать, что трудности вненаучного характера в осуществлении этого международного предприятия стали очевидны Ф.И. Щербатскому и С.Ф. Ольденбургу как редактору серии «*Bibliotheca Buddhica*» уже в 1919 г. В результате Октябрьской революции 1917 г. и начавшейся вслед за ней Гражданской войны международные связи РАН начали приходить в упадок. Вопрос о продолжении разработки проекта по «Абхидхармакоше» и необходимости командирования Ф.И. Щербатского в Западную Европу для налаживания координации с зарубежными участниками обсуждался 12 ноября 1919 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии

РАН³². В протоколе заседания отмечалось, в частности, стремление Японии к лидирующей позиции в деле изучения буддизма и констатировалась актуальность консолидации усилий отечественной научной школы и руководства Академии в обнаружении результатов проведенных исследований.

Чем же завершилась разработка задуманного Ф.И. Щербатским грандиозного проекта? О.О. Розенберг, ушедший из жизни в 1919 г., успел полностью справиться только с исследовательской частью своего проектного задания. Обзор содержащихся в «Абхидхармакоше» философских концепций и анализ структуры абхидхармических источников составили смысловое ядро его упоминавшейся нами выше монографии «Проблемы буддийской философии». В этом фундаментальном труде, открывшем новый этап развития буддологического источниковедения, российский ученый представил разработанную им системно-аналитическую теорию исследования буддийских письменных памятников, опирающуюся на идеи основоположников Санкт-Петербургской буддологической школы — Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга. В 1924 г. его монография была опубликована в Германии в переводе на немецкий язык.

Из запланированных в проекте переводов источников на европейские языки полностью выполнил свою часть работы только Л. де ла Валле Пуссен. В период с 1923 по 1931 гг. вышли в свет шесть томов его перевода на французский язык всего текста «Абхидхармакоши» — и карик и бхашьи, выполненного по версии Сюань-цзана. Но, к великому сожалению, этот замечательный труд был опубликован не в серии «*Bibliotheca Buddhica*», а отдельным изданием (L'AK). Классик франко-бельгийской буддологической школы, используя SAKV, отождествил большую часть санскритской терминологии по китайскому переводу «Абхидхармакоши», но воздержался от ее передачи средствами французского языка. Л. де ла Валле Пуссен ввел в свой перевод санскритские термины в латинской транслитерации, так как в отсутствие оригинала «Абхидхармакоши» невозможно было доказательно установить предметную область их значений.

Ф.И. Щербатский в 1919 г. опубликовал в «Известиях Российской Академии Наук» на английском языке работу «*The Soul Theory of Buddhists*», содержащую выполненный им с тибетского текста перевод девятого раздела трактата (AK, IX), являющегося приложением к произведению Васубандху.

В серии «*Bibliotheca Buddhica*» Ф.И. Щербатским был издан тибетский текст «Абхидхармакоши», карик и бхашьи (BB, XX): в 1917 г. вышел первый выпуск, а второй — в 1931 г.

Что касается SAKV, то дело ограничилось изданием на базе отечественной серии только двух глав. И С. Леви, издателю первой главы, и У. Огихаре в работе над второй потребовалась помощь Ф.И. Щербатского. Первая глава вышла в свет в 1918 г. (BB, XXI), вторая — в 1931 г. (BB, XXI-2).

³² Протокол заседания был опубликован в Известиях РАН (VI серия, Т. XIII. 1919).

Важно отметить, что в завершающем этапе подготовки к печати второй главы SAKV принял участие Е.Е. Обермиллер (1900–1935), высокоодаренный и трудолюбивый ученик Ф.И. Щербатского. Он сверил санскритский комментарий с указанием соответствующих страниц китайского перевода «Абхидхармакоши» по версии Сюань-цзана, изданной японским текстологом Саэки Кёкуга. Выполняя эту работу, Е.Е. Обермиллер пользовался находившимися у Ф.И. Щербатского материалами О.О. Розенберга, который во время своей командировки в Японию тесно сотрудничал с К. Саэки и высоко ценил его эрудированность в области абхидхармических текстов. Но идея справочного соотнесения санскритского комментария с китайским переводом комментируемого текста, то есть «Абхидхармакошей», возникла именно у Огихары, как следует из писем О.О. Розенберга к Ф.И. Щербатскому, еще в 1914 г. (Вигасин, 2008, с. 491).

Поскольку в 1932 г. продолжение серии «*Bibliotheca Buddhica*» было поставлено руководством АН СССР под вопрос, У. Огихара заново предпринял издание SAKV в Японии при содействии своего коллеги Ямагути Сусуму. Оно вышло в свет в течение 1932–1936 гг. Параллельно он в тандеме с С. Ямагути готовил издание японского текста «Ваяку сёю кусясякуронеё», являющегося переводом двух глав комментария Яшомитры.³³ Текст был опубликован в Токио тремя частями. Публикация началась в 1933 г. и завершилась в 1939 г., через два года после кончины У. Огихары.

Ф.И. Щербатской и С.Ф. Ольденбург надеялись на укрепление научного сотрудничества с японскими буддологами. В 1928 г., когда в системе АН СССР был создан Институт буддийской культуры³⁴, У. Огихара в качестве иностранного члена был избран в состав его ученого совета. В перспективных планах Института на 1930–1934 гг. значилось командирование одного из сотрудников в Японию для определения тех письменных памятников, которые предполагалось включить в состав сводного конкорданса буддийских источников по канонической и постканонической Абхидхарме³⁵. Однако реорганизация востоковедных учреждений АН СССР и нарастание международной политической напряженности на Дальнем Востоке не способствовали осуществлению этого плодотворного замысла.

³³ Немаловажно отметить, что в японской традиции произведение Яшомитры интерпретировалось в качестве комментария к «Абхидхармакошабхашье», а не к совокупности карик и автокомментария, о чем свидетельствует название японского перевода SAKV — «Вьякхья к трактату, разъясняющему Кошу».

³⁴ Это научно-исследовательское учреждение функционировало до 1930 г., когда был создан Институт востоковедения АН СССР.

³⁵ План работы ИНБУК на 1930–1934 гг. см.: СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1, ед.хр. 3, лл. 1–5об.

Сокращения

AK, IX — *Stcherbatsky Th. The Soul Theory of Buddhists* // Известия Российской Академии. Серия 6. — Пг.: 1919. Т. 13, № 15 (с. 828–854); № 18 (с. 937–958).

ИНБУК — Институт буддийской культуры АН СССР.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

BB — Bibliotheca Buddhica (серия).

BB, X — *Saddharmaṣaṣṭṭarīka* / Ed. by *H. Kern* and *Buhyiu Nanjo* (BB, X, вып. 1–5). — St.-Petersbourg: 1908–1912 (перепечатка: Osmabruck: 1979).

BB, XX — тибетский перевод *Abhidharmakośakārikāḥ* и *Abhidharmakośabhāṣyam* сочинений *Vasubandhu* / Изд. *Ф.И. Щербатской* (BB, XX, вып. 1–2). — Пг.: 1917; 1930. [Вып. 1 содержит предисловие *Ф.И. Щербатского* с описанием научно-издательского проекта по «Абхидхарма-коше»].

BB, XXI — *Sphuṭārthā Abhidharmakośavyākhyā. The Work of Yashomitra. First Kośasthāna* / Ed. by *S. Levi* and *Th. Stcherbatsky* (BB, XXI). — Пг.: 1918.

BB, XXI-2 — *Sphuṭārthā Abhidharmakośavyākhyā. The Work of Yashomitra. Second Kośasthāna* / Ed. by *U. Wogihara* and *Th. Stcherbatsky* and carried through the press by *E.E. Obermiller* (BB, XXI-2). — Л.: 1931.

BB, XXIII — *Abhisamayālamkāra-prājñaparamita-upadeśa-sastra* / Ed., expl. and transl. by *Th. Stcherbatsky* and *E. Obermiller*, fasc. 1 (CC, XXIII). — Л.: 1929.

JPTS — Journal of the Pali Text society. London.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. London.

L'AK — *Ā Abhidharmakośa de Vasubandhu* / Traduit et annoté par *L. de la Vallée Poussin*. Vol. 1–9. — Louvan-Paris: 1923–1931.

SAKV — *Sphuṭārthā Abhidharmakośa vyākhyā*.

Литература

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). — М.: 2008.

Воробьева-Десятовская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: 2011.

Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX века. М.: 1986.

Ермакова Т.В. Институт буддийской культуры АН СССР (1928–1930 гг.) // Четвертые чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / Составители *М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*. — СПб.: 2011.

Ермакова Т.В. Мир буддийской культуры глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века. — СПб.: 1998.

Игнатович А.Н. Лotosовая сутра и ее место в истории буддизма на Дальнем Востоке // Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лotosа Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Дeяний и Дхармы Бодхисатвы Всеобъемлющая Мудрость // Перевод с китайского, комментарии, заключительная статья, список сутр и трактатов *А.Н. Игнатовича*; вступительная статья *С.Д. Серебряного*. — М.: 1998.

Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. — СПб.: 2005.

Ленков П.Д. Философия сознания в Китае. Буддийская школа фасян (вейши). — СПб.: 2006.

Ольденбург С.Ф. Исследования памятников старинных культур Китайского Туркестана. I. Южная часть Китайского Туркестана // Журнал Министерства народного просвещения. — 1904. № 7.

Островская Е.П. О.О. Розенберг как теоретик буддологических исследований (к 90летию со дня смерти) // Письменные памятники Востока. — 2(11) осень зима 2009.

Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии // *Розенберг О.О.* Труды по буддизму / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии *А.Н. Игнатовича*. — М.: 1991.

Рудой В.И. Введение в буддийскую философию // Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы I и II / Перевод с санскрита, введение, комментарий и реконструкция системы *Е.П. Островской* и *В.И. Рудого*. — М.: 1998.

Серебряный С.Д. Лотосовая сутра: многоликий мир // Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисатвы Всеобъемлющая Мудрость // Перевод с китайского, комментарии, заключительная статья, список сутр и трактатов *А.Н. Игнатовича*; вступительная статья *С.Д. Серебряного*. — М.: 1998.

Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии XI—XII вв. — М.: 2009.

Dobbins J.C. Jodo Shinshu. Shin Buddhism in Medieval Japan. — Blumington-Indianapolis: 1986.

Encyclopaedia of Religion and Ethics / Ed. by *J. Hastings*. V. XII. — Edinburgh: 1921.

In Commemoration of the Sixtieth Birthday of Professor Unrai Wogihara, Ph.D., D.Lit // Journal of the Taisho University. Vols. VI—VII. Part II. — Tokyo: 1930.

Japanese Alphabetical Index of Nanjio's Catalogue of the Buddhist Tripitaka with Supplements and Corrections / Ed. by *Kaijo Tokiwa, Unrai Wogihara, Kojun Mino*. — Tokio: 1930.

Ketellar J.E. Of Heretics and Martyrs in Meiji Japan: Buddhism and Its Persecution. — Princeton: 1990.

Lee E.B. Nichiren and Nationalism: The Religion Patriotism of Tanaka Chigaku // Monumenta Nipponica. — 1975. Vol. 30. № 1.

Max Müller F. Biographical Essays. — N.Y.: 1884.

Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan. Compiled by order of the secretary of State for India. — Oxford: 1883.

Onoda Sh. The Meiji Suppression of Buddhism and its impact on the Spirit of Exploration and Academism of Buddhist monks // Images of Tibet in the 19th and 20th Centures. — Paris. 2008.

Sphuṭārtha Abhidharmakośa vyākhyā by Yāpomitra // Ed. by *U. Wogihara*. — Tokyo: 1932—1936.

Takakusu J. On the Abhidharma Literature // JPTS. — 1904.

Takakusu J. Study of Paramartha's Life of Vasubandhu and the Date of Vasubandhu // JRAS. — Jan. 1905.

Summary**T.V. Ermakova****Japanese Scholars — Participants of the Projects
of Saint-Petersburg School of Buddhist Studies**

An article deals with key figures among Japanese buddhologists 1880th–1930th: Bunju Nanjio and Unray Wogihara which were participants in the projects of Saint-Petersburg school of Buddhist studies. On the base of biobibliographical materials specimens of Japanese Buddhist education analysed: it was Chinese Buddhist canon study. Ascertain the fact, that this specimen determined format of Japanese collaboration in the Russian projects.

Key words: Saint-Petersburg school of the Buddhist Studies, Japanese Buddhist Studies, Bunyiu Nanjio, Unray Wogihara.